

Мгновения
„Добрый вечер!“ из Казахстана

Пролог

„О немецких
радио- и телевизионных передачах в Казахстане“

Председателю Комиссии
по проблемам советских немцев
товарищу Гусеву В.К.

„Многоуважаемый Владимир Кузьмич,

О положении радиовещания нас проинформировал товарищ Шалахметов Г.М., председатель государственного радиовещания Казахстана. Он сообщил, что государственное радиовещание еженедельно в течение 2 часов 15 минут вещает на немецком языке для немецкого населения республики и что с 1989 года существует также и немецкое телевидение. Зрители могут принимать передачи под названием „Добрый вечер!“ – „Гутен Абенд!“ на Первом канале казахского телевидения во всех регионах республики...“

Заместитель Председателя
Государственного Комитета
П.Н. Решетов

18 мая 1990 г.

*(из архива Отдела по межнациональным отношениям
ЦК КПСС, 1990 г.)*

Алма-Ата, осень 1990 года. Во Дворце Культуры Железнодорожников, где размещался Немецкий драматический театр, шли репетиции последней части трилогии Виктора Гейнца „Годы надежд“. Режиссёр Дитер Вардецкий явно нервничал: он всё же не представлял себе, что работа над этой постановкой окажется настолько проблематичной. И это касалось не художественно-артистической части – с этим всё было в порядке – а организационных вопросов, постоянно доставлявших ему, как художественному руководителю театра, заботы и печали и отнимавших слишком много времени, ибо если у театра нет собственного помещения, то часто всё идёт шиворот-навыворот!

А тут ещё ко всему прочему появилась съемочная группа телевидения, желающая во что бы то ни стало снять передачу о предстоящей театральной премьере! И именно сегодня, когда и так творится что-то несусветное!

В поисках подходящего для съёмки места оператор Вальдемар Фаст, вооружённый новой VHS-камерой (подарок министра внутренних дел Германии!) разгуливает и „пристреливается“ на импровизационно оформленной сцене. После долгих раздумываний он устанавливает штатив и всем своим видом показывает, что

готов к съёмкам. Режиссёр будущей передачи Елена Попова подаёт артистам знак, означающий, что камера включена. Наконец-то! – с глубоким вздохом Дитер отступает в сторону – теперь всё должно пойти как по маслу!

Мы с Александром Франком, бывшим редактором газеты „Фройндшафт“, с недавнего времени руководившим и ведущим немецкую телепрограмму на Государственном телевидении, сидим в укромном уголке зрительного зала и обсуждаем предстоящую передачу. Будучи зав. литературной частью театра, я полностью отвечала за то, что снималось и показывалось по телевидению, а потому хотела знать всё до мельчайших деталей. И вдруг я слышу: „Есть у тебя желание работать на телевидении?“. Пауза. „Послушай, но это абсолютно несерьёзно с твоей стороны! У нас же есть ты, ты же сам создал эту передачу! И, кроме того, у меня у самой уже и так ответственности хватает, а во всех ваших передачах о жизни нашего театра я участвую так и так!“ – молниеносно реагирую я на его сверхнеожиданное предложение. Но Александр не унимается... „Я уезжаю. В Германию.“. Мне становится ясно, что он ищет преемника для своей программы. А жаль, ведь Александр стоял на верном пути со своей программой, стал известен телезрителям и был ими очень хорошо принят! Будет не так-то легко найти ему достойную замену?!

Во всяком случае, тогда я не отнеслась серьёзно к его предложению и сменила тему разговора.

Через пару недель раздался звонок от Вальдемара Экка, директора театра – я должна обязательно зайти к нему в кабинет. А в директорском кабинете сидел улыбающийся Александр Франк и совершенно невинно созерцал меня. Наш разговор продолжался довольно долго и, как и в прошлый раз, опять ни к чему не привёл. Разумеется, предложение делать телепередачи было очень заманчивым, но у меня не было ни малейшего намерения браться за него, поскольку мне нравилась моя работа в театре, здесь я чувствовала себя уютно и на своём месте, всё мне было знакомо и именно здесь были мои владения – заведование литературной частью, работа с авторами, газетами и тем же телевидением.

Сегодня я даже не могу сказать, как же всё-таки я решилась – но однажды я предстала перед руководством Первой программы Государственного телевидения и объявила Александру Франку, что я готова встать на его место. И причём прямо с сегодняшнего дня. Несколько месяцев я разрывалась без отдыха и покоя между театром и телевидением, совершенно не представляя, как справиться со всем навалившимся на меня, ибо в сутках, к сожалению, всего лишь 24 часа!

Постепенно мне становилось ясно, что так дальше продолжаться не может, и я оставила театр со страстным обещанием прийти на помощь в любое время, если будет в этом нужда. К счастью или к чести, я смогла сдержать своё обещание: на протяжении нескольких лет я ещё писала о театре, вела переговоры с авторами и даже выезжала с театром на гастроли.

У меня к тому времени было уже довольно-таки скромное представление о том, как делаются передачи, поскольку я часто готовила передачи о нашем театре, писала экспозиции и сценарии к съёмкам и присутствовала на съёмках, но чтобы самой каждую неделю заполнять 60 минут эфирного времени и что для этого надо всего сделать – об этом у меня не было ни малейшего представления!.. Что я должна показывать телезрителям, какие темы поднимать и обсуждать и кто это: „наш зритель“?

Нас было трое в команде: Елена Попова – режиссёр съёмок и видеомонтажа, Вальдемар Фаст – оператор и я. У Елены и Вальдемара был к тому времени уже

наработан определённый опыт в этой области, они получили соответствующее образование и поддерживали меня во всех отношениях.

Немецкая редакция на Первом канале была в то время уже достаточно независимой, у нас была своя собственная камера (VHS) и даже небольшая импровизированная монтажная – здесь мы монтировали наши передачи и отдавали их на видеокассетах в студию, где они потом выпускались в эфир. Это оборудование не являлось роскошью, но мы были очень довольны: по сравнению с другими редакциями мы могли распределять время съёмок так, как нам было удобно, и даже маленькую монтажную нам не приходилось ни с кем делить. Для руководства телевидения это тоже являлось большим облегчением, поскольку изношенные камеры и оборудование монтажных и без того уже использовались и загружались до отказа. В связи с этим мы могли больше времени и внимания уделять именно нашим конкретным темам и документировать самые интересные события из истории немцев России.

Для программы „Гутен Абенд!“ это время было периодом становления и самоутверждения и, в отличие от других редакций, мы пользовались определённой свободой в выборе тем и героев наших передач – правительство Казахстана подчёркивало свой собственный интерес к тому, чтобы немцы и дальше оставались в стране.

1992 год отмечен рождением немецко-казахстанской комиссии, разработавшей в последующие годы комплексную программу развития немецкой диаспоры в Казахстане. Немецкий Дом в Алматы превратился в настоящий центр немецко-казахстанского сотрудничества. Здесь же заседал основанный в 1992 году Совет Немцев Казахстана, бывший на хорошем счету у правительства Казахстана. Общество „Возрождение“ объединяло уже тогда 14 областных организаций российских немцев. Из Германии в нашу страну приезжали высокопоставленные политики, чтобы получить точное представление о ситуации немцев в Казахстане и наметить планы будущего сотрудничества.

Особенно часто посещал Казахстан Парламентский статс-секретарь д-р Хорст Ваффеншмидт – его большой интерес к жизни немецкого меньшинства невозможно переоценить: в равной степени он был заинтересован как в политических событиях, так и в судьбах отдельных лиц, он всегда был открыт любым вопросам и дискуссиям – последовательный, честный и дружелюбный. Мне посчастливилось неоднократно вместе с оператором Вальдемаром Фастом сопровождать господина Ваффеншмидта во время его поездок по стране, и я всегда была впечатлена его убедительным аргументациям и какой-то идеалистической верой в возможность остановить резко возрастающую эмиграцию и попыткам предложить немцам обоснованные и мотивирующие их возможности для того, чтобы им хотелось остаться в Казахстане, России или других странах СНГ. Он как бы чувствовал себя ответственным за ход истории российских немцев в бывших советских республиках и сам находился в центре этой истории.

Программа „Гутен Абенд!“, „Дойче Алльгемайне Цайтунг“ и немецкая редакция на государственном радиовещании Казахстана наряду с общими вопросами, связанными с развитием республики, также подробно освещали жизнь немцев в стране и сообщали о возрастающей активности по поддержке немецкой диаспоры со стороны Германии. Наши передачи становились всё более популярными, и руководство телевидения увеличило время вещания нашей программы на 20 минут в неделю.

То, что было хорошо для зрителей, явилось огромной проблемой для скромного технического оснащения редакции программы и её команды из трёх сотрудников. О

помощи со стороны руководства телевидения не могло быть и речи – предостаточно было уже того, что нам продлили время эфира, всё остальное было делом самих немцев! Прежде всего нам предстояло оснастить техническую сторону выпуска наших передач, поскольку с тем, что имелось у нас в распоряжении, мы оказались не в состоянии осилить предоставленное нам эфирное время.

Как-то в беседе с д-ром Хорстом Ваффеншмидтом в Немецком Доме Алматы я упомянула о нашей проблеме, и он сразу же загорелся составить собственное впечатление о наших условиях работы – несмотря на целый ряд других запланированных встреч и обсуждений, он сел в машину и мы поехали на телевидение, хотя его визит в нашу редакцию и не планировался. Увидев два монитора и VHS-видеорекордер на столе, он осведомился о монтажной... Я не хочу вдаваться сейчас в подробности, но через несколько месяцев раздался звонок из Германского посольства в Алматы – самолётом Люфтганзы нам отправлено профессиональное оборудование монтажной и съёмочная аппаратура и мы должны завтра забрать их из аэропорта! Нашей радости не было границ: теперь-то мы сможем сосредоточиться на настоящем качестве своих передач – у нас есть микшерный пульт, аудио-пульт, микрофоны, интегрированный компьютер для субтитров, многочисленные коробки с видеокассетами, видеокамера – одним словом, мечта, воплощённая в жизнь! – заветная мечта наших многочисленных коллег с других каналов.

Наши возможности расширились и с увеличением числа рабочих мест. Зимой 1993 года в списке редакции значилось 7 сотрудников – великодушный жест государственного телевидения!

Но как и прежде, я оставалась единственной журналисткой. Только работники телевидения могут оценить, что это означало. Съёмки, просмотр отснятого материала, поиск тем, сценарии, планирование и т.п. – за это всё ответственность несла только я одна. И, наконец, я была ко всему этому ещё и „шефом“, регулярно получавшим от руководства телевидения разнообразные официальные задания, которые требовалось выполнить к определённому сроку. У меня были трудолюбивые коллеги, поддерживающие меня, где и как они только могли, но к сожалению, они были не настолько сильны в немецком языке, и потому мощная часть работы возлагалась на мои „широкие“ плечи.

Помощь пришла из Ассоциации немцев за рубежом (VDA). Одной из добровольных сотрудников была Кристина Шёнфельдер. Она тогда выполняла волонтерскую работу в одной из кустанайских школ. И она проявила большой интерес к журналистской работе, быстро вписалась в команду и подготовила целый ряд актуальных передач и документальных фильмов. Она также часто замещала меня в монтажной, ибо я в это время разъезжала со съёмками по городам и весям, а тем самым у нас появилась дополнительная возможность больше ездить и снимать материалы в других регионах Казахстана. Хорошо показали себя также двое молодых журналистов Хендрик Маргуль и Йорг Альбинский из Германии – надёжно, эффективно и прежде всего интересно освещали они любую тему, и работать с ними было сплошным удовольствием. Но имелась и небольшая загвоздка: они слишком долго работали над своим материалом, и для подготовки самого краткого сюжета им требовалось гораздо больше времени, чем нам. А для работы на телевидении необходимы быстрота и разворотливость во всём.

Но мы и не могли рассчитывать на опытных коллег из Германии, поэтому были благодарны любому предложению. Но несмотря на всё это, молодые люди прекрасно вписались в новую среду, и, что было не менее важно – они относительно хорошо

говорили на русском языке, а это и было лучшей предпосылкой для самостоятельной работы.

Во время поездки в Германию, состоявшейся в очередной раз благодаря помощи господина д-ра Ваффеншмидта, мне и Вальдмару Фасту посчастливилось посетить Центральную Немецкую студию телевидения ЦДФ (ZDF – Цвайтес Дойчес Фернзеен) и осмотреть студии, монтажные и всё здание целиком. На нас вся эта мощь произвела особенное впечатление. Нас потрясли современнейшее оборудование студий и условия работы наших коллег с ЦДФ. Вероятно, мы с нашей изработанной VHS-камерой произвели на них такое жалкое и несчастное впечатление, что они к завершению нашего посещения предложили нам подержанную Betacam „Sony-Сони“ со штативом. Естественно, мы не могли отказаться от такого щедрого подарка. Таким образом, мы вернулись в Алматы из нашей заграничной поездки гордыми и счастливыми владельцами собственной профессиональной камеры – сокровищем, которое Вальдемар не доверял никому. Разумеется, это сразу отразилось и на качестве съёмок – изображения стали чётче, ярче, и единственная трудность состояла только в том, что мы должны были эти великолепные Бета-кадры как и прежде обрабатывать в VHS-монтажной. Но как я уже сказала, телевидение является очень дорогостоящим бизнесом, без инвестиций здесь не обойтись. А инвестировать было некому – нас поддерживало только правительство Германии, казахстанским бизнесменам-немцам было не до нас. Они решали для себя вопрос денег.

Сами мы тоже не имели права зарабатывать деньги на свои нужды. Понятие „реклама“ было в Казахстане в то время вообще неизвестным делом и нам не разрешалось в наших передачах агитировать за покупку каких бы то ни было товаров и давать рекламу чего бы то ни было. По сравнению с другими российско-немецкими средствами массовой информации (СМИ) мы не могли обойтись без помощи со стороны Германии. Мы оказались слишком зависимыми от неё. Мы не могли рассчитывать на техническую поддержку со стороны руководства телевидения, а телевидение в свою очередь не может существовать без техники.

Наша телевизионная программа становилась всё более известной, мы присутствовали на всех больших мероприятиях Совета Немцев Казахстана, организаций „Возрождение-Видергебурт“ на местах и проводили съёмки на конгрессах российских немцев.

Мы собирали наши „мгновения“ и впечатления не только на территории Казахстана, но и в Киргизии, и в России. Мы проводили интервью и встречались с интересными личностями, описывали судьбы наших соотечественников, пытавшихся несмотря ни на что всеми силами сохранить своё существование в трудной ситуации межгосударственных политических и экономических противоречий. В наших передачах мы представляли композиторов, писателей, художников, представителей самодельного творчества, актёров, политиков и предпринимателей. Мы работали как на конвейере: едва была готова одна передача, как тут же приступали к работе над другой – эфирное время было в нашем распоряжении и мы не хотели терять его ни при каких обстоятельствах. Это было совсем нелегко, и бывали моменты, когда мы все были полностью измождены и перегружены: режиссёры Елена Попова и Наталья Безгина проводили многие часы над отснятым материалом в монтажной, оператор в течение нескольких дней таскал на себе около десяти килограммов оборудования (камеру + штатив + кассеты) и снимал необходимые материалы, а я сама писала тексты, модерировала, делала интервью, искала спонсоров для дальних поездок по городам и регионам и улаживала собственные „шефские“ дела и задачи. Нам по-прежнему ещё было разрешено самим выбрать темы наших передач и мы чувствовали себя довольно уверенно: мы не проводили никакой национальной политики, мы просто отображали

жизнь нашей диаспоры и имели свою аудиторию, своих зрителей, для которых мы были в означенное время в эфире и которым мы поставляли всю важную информацию из Совета Немцев Казахстана и из Общества „Возрождение-Видергебурт“. И большую часть эфирного времени мы посвящали нашим, российско-немецким материалам. Об этом я расскажу немного позже.

Мы были не единственной национальной программой на казахстанском телевидении. Имелись ещё уйгурская и корейская национальные редакции, с которыми мы были тесно связаны. Мы прекрасно понимали друг друга и твёрдо держались вместе, если возникали какие-то проблемы с руководством телевидения. С казахскими коллегами вообще никогда не было никаких разногласий. Дискуссии имели место, но они всегда были связаны с вопросами качества программ, а качеством нашей программы всегда восхищались.

В середине девяностых годов на телевидении начался полный хаос, регулярно менялось руководство, вряд ли можно было запомнить все фамилии руководителей Комитета – они приходили и уходили – но то, что при этом касалось нас, непосредственных сотрудников, было гораздо хуже. Любой новый руководитель начинал с того, что сразу пытался всё переструктурировать. Всегда что-то витало в воздухе, и никто не ведал, куда это могло привести. Ясно было только одно: нас, редакторов национальных передач, это коснётся в первую очередь. „Может быть, мы в конце-концов будем вести наши передачи ещё и на казахском языке?“, - шутили мы в команде. (За закрытой, разумеется, дверью: страх был, несмотря на свободу).

Дарига Назарбаева, дочь президента, пришла на телевидение в качестве менеджера, но вела себя как первый руководитель. Она хотела преобразовать и модернизировать все редакции, она разговаривала персонально с каждым из журналистов и лично давала распоряжения и указания касательно тем и вопросов, которые обрабатывались и готовились к выходу в эфир. Для неё не существовало никаких „но“ – кто отказывался или высказывал своё собственное мнение, того она сразу же увольняла. Ведущие национальных программ были обязаны предоставлять ей сценарии будущих передач на русском или на казахском языке (о чём мы и догадывались!), ибо „менеджер“ хотела точно знать, „что они там делают“. Каждый день нас одаривали новыми формулярами и ставили перед нами новые задачи...

Но это, к счастью, продолжалось не так долго. Госпожа Назарбаева покинула государственное вещание, чтобы основать новое телевидение по-соседству с нами. Для этого было освобождено, перестроено и оборудовано бывшее здание правительства, она получила лучшие частоты вещания и назвала новорожденного „Хабар“ – под таким названием телевидение известно в Казахстане и за его пределами и сегодня.

Государственное телевидение вещало свои сильно сокращённые программы под новым логотипом „Казахстан I“. Новости политики и экономики, а также и многое другое поступало из „Хабара“. „Казахстан I“ практически не получал финансирования со стороны государства, и о модернизировании и новом техническом оснащении больше не говорилось. В редакциях программ распространялись паника и неуверенность.

Редакция немецкого телевидения творила и пахала дальше и могла выполнять свои обязанности надлежащим образом благодаря своему собственному оборудованию. Когда дело доходило до особо сложных ситуаций, и я сама не знала, как и к чему

приступать, я обращалась в Совет Немцев или в Посольство Германии, которые всегда нам помогали. Правда, они могли достичь немногого, но они обсуждали вопрос с властями и старались найти решение проблемы. На этом месте я должна отметить, что в эти трудные для казахских СМИ времена, российско-немецкие СМИ обладали гораздо более выгодным положением. Высокие политические чины и представители федерального правительства, разъезжавшие по стране, очень скоро смогли установить, что попытки политики казахских средств массовой информации создать впечатление, что жизнь немцев в Казахстане, полная радужных надежд и веры в „светлое“ будущее, не соответствует действительности. И положиться можно было только на немецкие СМИ. Но теперь все задавались вопросом, каков должен быть вид помощи, ибо невозможно было оказывать помощь российским немцам в их ужасном экономическом положении, не задумываясь при этом о других гражданах республики и о последствиях, к которым может привести помощь для избранных.

Таким образом, программы субсидий с немецкой стороны были реализованы так, что они предназначались для всех: социальные центры, языковые лагеря, усилия по оказанию помощи в области здравоохранения. Об этом мы информировали наших зрителей. Между тем мы знали, что наша аудитория состоит не только из граждан немецкого происхождения, но и из других национальностей, которые говорили по-немецки и понимали немецкий язык. Наконец, немецкий язык стал модным и самым широко распространённым иностранным языком в Казахстане! Это радовало нас, потому что о деятельности Немецкого Федерального правительства говорилось не так много и кроме того, что предлагала наша программа, практически нигде об этом не упоминалось. На правительственном уровне, возможно, но на телевидении Казахстана мы были единственными, кто обладал последними данными и мог о них вещать.

На самом деле я вообще не хотела писать здесь об этом, я намеревалась сосредоточиться на наших передачах и поведать читателю о том, что двигало меня и наш коллектив и о том, о чём мы охотно, а иной раз и неохотно сообщали. Но как я могла описать это без соответствующего фона? Я думаю, сто́ит заглянуть за кулисы телевидения, иначе читатель получит неверное впечатление и не сможет создать себе полную картину о ситуации в нашей редакции. Ибо кое-что звучит даже слишком красиво и есть риск потерять достоверность, а именно этого-то я и хочу избежать.

Тем временем, общую ответственность за усилия по оказанию помощи нашей диаспоре взяло на себя Германское Агентство по техническому сотрудничеству (GTZ). Благодаря ему мы получили новое цифровое оборудование, а так как с течением времени из-за высокого числа покидавших страну находилось всё меньше и меньше спонсоров для наших командировок, это Агентство стало также финансировать и большую часть разъездов нашей команды. И это имело свои положительные последствия – в нашей программе появились документальные фильмы из Немецких национальных районов, так называемых „Островов надежды“.

Но если вдруг читатель полагает сейчас, что мы показывали нашим зрителям что-то, не соответствующее действительности, и наши передачи содержали только похвалу и мало критики, то он мыслит неверно. На телевидении отснятые кадры говорят сами за себя, и эти кадры невозможно было смоделировать нам самим: мобильный высокотехнологичный мясокомбинат, выпускавший продукцию в собственноручно отстроенном павильоне в Западной Сибири, в заснеженной степи, который зимой практически бездействовал; неутеплённые стены домов в сибирском городе Хальбштадт; несколько огромных грузовых машин, доставлявших скот к мясо-

колбасному комбинату в степи возле Хальбштадта (причём, это был личный скот, а наши крестьяне, как известно, режут свой скот сами) – такие кадры даже без лишних комментариев являлись очень жёсткой критикой по отношению к правительству Германии и политическим деятелям общества „Возрождение-Видергебурт“.

Но было и много другого, о чём интересно было сообщить: жители шестнадцати деревень вокруг Хальбштадта получили между тем политическую и административную автономию и им было позволено хозяйничать так, как им это было выгодно и удобно, и они извлекли пользу из финансируемых Федеральным бюджетом молокозавода, сыроварни и заправочной. Руководитель района Й. Шнейдер строил свои колхозы по последним стандартам, и население было также воодушевлено, как и он сам. Конечно, волна эмиграции охватила тогда уже двадцать тысяч жителей Хальбштадтского района; разумеется, эту лавину было уже не остановить, но это были люди и у них была возможность выбирать, и в наших интервью с ними можно было чётко проследить их отчаяние и неопределённость. И тут же мы показывали кадры о расцвете немецких деревень и тщательно возделанных полях. Моменты, которые нельзя забыть. Здесь, в Германии, я часто встречаю людей, которые помнят именно эти кадры и при этом плачут, потому что они чувствуют себя сегодня здесь, на своей „исторической родине“, точно также неуверенно, тревожно и находятся в таком же отчаянии – как и там, у себя „дома“.

Достаточно печальная картина ожидала нас в Азово около Омска, там предстояла ещё масса дел, строительные работы продвигались с огромным трудом, потому что Федеральные средства вовремя не поступили, а большинство вновь прибывших жили в так называемых контейнерах – но в этом была виновата не только Германия, и даже администрация под руководством доктора Рейтера мало чего общего имела с происходившим. Многие немецкие семьи прибыли без приглашения из отдалённых мест – Таджикистана, Узбекистана и Казахстана – только из чувства страха. Они действовали на собственный риск, ибо по месту своего жительства они стали неуверенными и запутались, поэтому они бросили там всё и уехали... Им нечего было терять в местах своего проживания – там не было рабочих мест, не было никакой помощи от государства и никакой надежды на будущее. Но поскольку они не могли связывать своё будущее с Германией, то они прибыли в Азово. Потому что кто-то сказал им, что их там ждут и что там они будут счастливы. Они хотели оставаться в своей стране и искали возможности, которые могли бы избавить их от эмиграции. Обо всём этом мы тоже рассказывали своим зрителям.

Кадры из Азово были шикарны и романтичны: пшеничные поля, где пшеница была почти в человеческий рост, комбайны как суда плыли по этим широким полям и вновь – интервью и беседы с теми, кто не собирался терять надежду. И разговоры с теми, кто на этом „острове надежды“ потерял собственную надежду на счастливую жизнь...

В Нойдорфе-Стрельне под Санкт-Петербургом был сильный дождь и холодный октябрьский ветер рвал из рук плакаты у собравшихся там жителей Стрельны. „Долой немцев!“ – называлась эта демонстрация. Когда мы проводили там съёмки, всё только начиналось – поступили средства, велись разговоры об архитектуре будущего маленького острова, даже число его жителей было определено. Это были очень немногие, кому посчастливилось жить в этом месте, потому что этот „островочек“ мог принять лишь определённое количество жителей. Очень маленький „остров“, слишком крошечный, чтобы закрепиться на нём и чувствовать себя комфортно.

Здесь я в последний раз встретилась с парламентарным уполномоченным господином доктором Ваффеншмидтом – он заложил первый камень в

импровизированную стену. В этот день выступления были короче и не столь убедительны, как прежде. Может быть, виной тому была погода? Или плакаты собравшихся жителей? После официальной части я поговорила с кучкой недовольных граждан. „В чём проблема?“ – хотелось мне знать. И вот тут-то они взорвались: где будут пастись наши коровы, если здесь станут жить немцы? У нас есть только это маленькое местечко, всё остальное здесь уже приватизировано „новыми русскими“, они всё в округе прибрали к своим рукам! Ну, если это не причина для демонстрации против немцев, тогда что?! Но в этой же нашей передаче, состоявшей из двух частей, мы смогли показать ещё многое другое и рассказать об истории немцев Санкт-Петербурга. И зрители в Казахстане с энтузиазмом требовали продолжения. Но продолжения не было по причине отсутствия денег. Зато были грустные, вызывающие слёзы, ностальгические закаты, угрожающие волны легендарной Невы и сентиментальная ностальгия старого кладбища в Стрельне, лежащего на окраине деревни в полном забвении и заброшенности. И знаменитая Молочная дорога, по которой когда-то двигались повозки с бидонами, полными молоком. Именно это молоко особенно любили в Питере и охотней всего его покупали.

Когда на Государственном телевидении Казахстана создавали редакцию немецкого вещания, все были ещё убеждены в том, что жизнь в Республике изменится на благо граждан и приведёт к расцвету девятой части суши на земле. К расцвету страны, в которой так много чего требовалось организовать и осуществить, страны, граждане которой были готовы преодолеть все трудности, побороть остатки прежнего политического режима и принять участие в реконструкции и возрождении.

Снова у немцев появилась слабая надежда, поскольку для них она означала идеальную возможность остаться здесь жить.

Но к сожалению, в скорой действительности всё выглядело по-другому: большинство из почти одного миллиона граждан немецкого происхождения эмигрировали именно в 1990-е годы. Спад экономики, резко снизившиеся перспективы и давление по отношению к меньшинствам в постреволюционной фазе, возникшее в слоях националистических и исламских кругов фундаменталистов, явились причиной возрастающей тенденции эмиграции.

Для того, чтобы „укрепить“ у немцев „желание остаться“ в Казахстане, в стране стали проводиться различные культурные мероприятия. Организации „Возрождения-Видергебурт“ энергично взялись за дело: создавались хоры, танцевальные коллективы, языковые курсы, объединения трудармистов и воскресные школы для маленьких детей, предлагались чудесные мероприятия для молодёжи. Много чего хорошего было сделано в то время...

У нас на нашей студии „Гутен Абенд!“ в то время было очень много дел: мы много разъезжали, снимали и вешали. Появились сериалы о фестивалях, портреты деятелей самодеятельного искусства, документальные фильмы о немецких культурных центрах. На телевидении даже завидовали многоплановости наших тем. Иногда завидовали мы сами себе.

Незабываемые кадры Фестивалей российско-немецкой культуры в Костанае, Караганде и Семипалатинске, песни, танцы – всё это просто невозможно забыть. При этом я всегда вспоминаю людей, руководивших этими культурными центрами. В Караганде у нас была Юлия Хофман, сумевшая поставить на сцене впечатляющую программу народных танцев и народных песен. Она работала хореографом, сама была страстной танцовщицей, а также являлась важной персоной основанного в 1992 году немецкого областного культурного центра. Можно было только удивляться, видя толпу

людей, пребывающих в этом центре в выходные дни – тут были художники, подготавливающие очередную выставку, были дети из ансамбля „Блуменгрус“, разучивавшие небольшой танец, были музыканты, создававшие новую мелодию. И везде была Юлия Хофман – сияющая, улыбающаяся и энергичная.

В Костанае подобной личностью был Александр Винтерголлер. Благодаря ему в 1994 году состоялись Дни немецкой культуры со спектаклями, выставками, песенными и танцевальными вечерами. Хотя это было и мероприятием Совета Немцев Казахстана, и сам Александр Дедерер лично принимал участие в подготовке „Дней“, тем не менее бывали такие моменты, когда Александр Винтерголлер думал, что кроме неприятностей ничего не выйдет. Но в конце концов всё удалось – красивые ностальгические мелодии и танцы наших предков стёрли разочарование и раздражение, оставив после себя свежее дыхание усиливающегося национального самосознания. Приветствие Президента Республики Казахстан г-на Н. Назарбаева также внесло свою лепту в уникальную атмосферу, царившую во время представлений: „От имени участников Дней немецкой культуры я обращаюсь ко всем согражданам немецкой национальности, и я убеждён, что государственный интерес к этому мероприятию послужит усилению стабильности и укреплению консолидации немецкого населения в Казахстане...“.

Обычное формальное приветствие, которое никого не заинтересовало и ни на кого не смогло произвести впечатление. Упоительно-доверительные звучания хопсапольки воспринимались гораздо лучше, и если при этом не хотелось танцевать вместе с другими, то можно было хлопать вместе со всеми, а в речи главы государства не было ничего такого, чему можно было бы аплодировать.

Сегодня я бесконечно рада тому, что мне в моей жизни посчастливилось познакомиться с двумя чудесными удивительными российско-немецкими женщинами, чьи голоса были настолько потрясающе сильными и красивыми, что их можно было слушать бесконечно. Это Эльвира Мут и Ирина Штаух – две женщины, две легенды. Материалы с интервью и фантастическим вокалом обеих мы транслировали несколько раз по казахскому телевидению. С Ириной Штаух мы наслаждались красотой площади Республики в Алматы с чудесными розами и прохладой фонтанов. После тяжёлого, нервного, напряжённейшего дня съёмок и записи в студии мы с Ириной пили чай в бюро нашей редакции и говорили о жизни. О её жизни и огромной любви к песенному творчеству...

Телевидение вобрало в себя все формы средств выражения – это голос ведущего за кадром, это персонажи, о которых говорится в кадре, и это в конце-концов сами кадры. Картины, которые понимает даже самый неискущённый зритель и, видя их, он чувствует себя в центре событий, о которых повествуется. И создаёт себе собственное видение, которое ещё долго сопровождает его в повседневности...

Каждая передача нашей программы „Гутен Абенд!“ являлась для наших зрителей большим событием, с которым они могли себя идентифицировать – этому способствовали язык и отснятый материал. Я всегда удивлялась, когда слышала, как и что они „черпали“ из наших передач. Во время наших поездок по стране они излагали нам содержание некоторых из них так подробно и живо, что было очевидно, насколько близки были им наши темы, затронутые в программе, как интересовались они всем, что происходило с нашим народом.

Это было прекрасное чувство, чувство доверия и понимания. Это давало нам мужество, силу и доставляло радость душе.

Одним из героев передачи „Гутен Абенд!“ был и Иоганн Виндгольц. Собственно говоря, я знакома с ним с середины 1980-х годов, ещё со времён моей работы в Немецком драмтеатре в Темиртау. Иоганн был одним из желанных гостей в нашем театральном коллективе. Как опытный фольклорист, он принимал участие в подготовке театрального спектакля „Народный праздник“ – хорошо удавшейся постановке с российско-немецкими песнями и танцами. Я знала его как очень импульсивного и заинтересованного человека. Фольклорный ансамбль „Наследие – Эрбе“, который он основал в совхозе „Урожайный“ Карагандинской области, явился лучшим доказательством его великой любви к наследию российско-немецкого народного искусства. В одной из наших передач он играл на аккордеоне и рассказывал о своём опыте в области „песенного и танцевального наследия российских немцев“. Он обладал также огромной коллекцией по темам „Свадьба“, „Нравы, обычаи и традиции“. Свои познания он накопил во время многочисленных поездок по всей стране. Он лично знал большинство из певцов и танцоров немецкой художественной самодеятельности. После нашей передачи о Виндгольце мы получили множество писем от зрителей, в которых они благодарили его за труды. Многие узнали в нашем герое молодого человека, посетившего однажды их дом в деревне и вместе с ними певшего старинные песни. При нём всегда был аккордеон, помогавший ему развеселить и взбодрить слушателей и вовлечь их в участие. Его научные исследования и методическую помощь в организации и поощрении российско-немецкой самодеятельности трудно переоценить и можно очень долго о них говорить. Я часто думаю о нём, о страстном, творческом и глубоко скромном музыканте и задаюсь вопросом: интересно, что стало с ним сейчас?..

Разумеется, в наших передачах мы рассказывали и о видных представителях общества „Возрождение-Видергебурт“. Мы, правда, не щедрились перед зрителями на их портреты с небольшими личными историями, но в наших многочисленных интервью с ними мы представляли нашей аудитории этих людей, оказывающих поддержку российским немцам в своих областях и странах (СССР к тому времени уже распался). Они рассказывали нам о кампаниях „Возрождения-Видергебурт“, о своих планах и перспективах на будущее. Они верили в свои идеи и относились к этому вопросу очень серьёзно. Их вера была настолько глубокой, что я часто удивлялась про себя: откуда у них это? Где они черпают эту веру, когда вокруг них всё разваливается... Мы, сотрудники программы „Гутен Абенд!“ присутствовали почти на всех конференциях, совещаниях и конгрессах „Возрождения-Видергебурт“ и каждый раз я была свидетелем того, как убеждённо и решительно говорили они о своих планах и успешных мероприятиях. Генрих Гроут, Александр Дедерер, Владимир Ауман, Виктор Кист, Генрих Мартенс, Гуго Вормсбехер, Валерий Диль – в то время это были личности, появления которых на экране телевизора ждали наши зрители, в надежде услышать от них ответы на животрепещущие вопросы.

Когда я начала работать на телевидении, я сама горячо надеялась, что когда-нибудь наступит этот счастливый момент и я получу ответ на свой вопрос: „Как будет наше дело развиваться дальше?“. Этот же вопрос я задавала каждому из этих людей – с большим уважением к занимаемому ими положению и к их самоотверженной работе. Но ответы были чаще всего настолько расплывчатыми, что при монтаже передачи у меня были большие проблемы найти определённое высказывание... В конце концов я сдалась – было очевидно, что и их вера в прекрасную мечту ослабла и угасла. Но признаться, что они не имеют больше влияния на судьбу своего народа, они не хотели. Некоторые даже до сегодняшнего дня. Как, например, Александр Дедерер, работой которого я восхищаюсь больше всего: несмотря на всё, он по-прежнему остаётся Председателем Совета российских немцев в Казахстане и полон решимости продолжать дело небольшой кучки наших соотечественников. Что придаёт ему силы? .

В чём причина того, что одни ушли, а другие остались? Но сегодня господин Дедерер избавлен от ответов на эти и другие вопросы, потому что я больше не проживаю в Казахстане и не обладаю собственным микрофоном, перед которым не всегда чувствуешь себя уютно...

Я должна признаться, что мне так и не удалось установить дружеские связи между нашей передачей „Гутен Абенд!“ и обществом „Возрождение-Видергебурт“, и несмотря на большие усилия, предпринятые мною, я тем не менее всегда оставалась „по ту сторону“, хотя меня это и не сильно огорчало и я могла жить без этого. Может быть, причиной послужило то, что я была слишком независима и всегда высказывала своё собственное мнение нашим зрителям? Я ни в коем случае не хотела принадлежать какой-либо партии или занимать чью-либо сторону, я хотела всегда оставаться честной и открытой в своих передачах и никогда не пыталась рассказывать зрителям сказки о „молочных реках“ и „сахарных берегах“.

На совещаниях и конференциях „Возрождения-Видергебурт“ часто присутствовал наш замечательный Герольд Карлович Бельгер. Каждый раз, когда я встречалась с ним, я готова была снять шляпу. И я бы это обязательно делала, если бы таковая у меня имелась! Я была и остаюсь очарована и восхищена его творческими достижениями. Я не знаю, отважится ли кто составить список всего того, что он написал – на русском, немецком и казахском языках. Он незаменим для нашей российско-немецкой литературы, а его теоретические исследования в этой области, критические статьи практически на каждую вновь изданную книгу, его уникальный литературный язык и, прежде всего, его большой талант невозможно переоценить. Я счастлива, что наши творческие пути пересеклись и нам удалось подготовить на студии „Гутен Абенд!“ серию совместных передач. Это были рассказы о творчестве российско-немецких авторов Нелли Ваккер, Герберта Генке, Норе Пфедфер...

Сегодня мне стыдно, что у нас не нашлось времени сделать программу о самом Герольде Бельгере. Как-то не получилось, хотя мы время от времени возвращались к этому вопросу и думали о нём, даже обговаривали что и как мы покажем... В наших передачах он часто играл роль представителя „Возрождения-Видергебурт“. Естественно, сердце его буквально кровоточило, когда он думал об эмиграции нашей российско-немецкой интеллигенции, естественно, он беспокоился о положении нашей литературы, о её будущем, и, разумеется, проблемы издательств и изданий доставляли ему сильную головную боль, но он был абсолютно не в силах что-либо изменить. Он не являлся предпринимателем и не мог найти деньги на выпуск книг и издание альманаха „Феникс“. Несмотря на эту трагическую реальность, Бельгер был и остаётся мужественен и продолжает работу над своими исследованиями. Я надеюсь, что когда-нибудь он ещё выскажется о периоде 1990-х годов и что потомки эмигрировавших российских немцев тоже будут знать его имя...

В одной из книг я прочитала историю о цифре 86 400. Это не просто число – это количество секунд, наполняющих один день. Точнѐхонько 86 400 мгновений, которые нам даруются одним-единственным днѐм в жизни. И если не насладиться этими моментами и не воспользоваться ими, то они потеряются навсегда. Уйдут безвозвратно во веки веков. Их не возместить и не обменять, их нельзя одолжить, что тоже совершенно понятно. Эту статью я озаглавила „Мгновения“, ибо именно под таким названием мы могли бы транслировать все наши передачи. Философски говоря, мы „записали“ с помощью видеокамеры историю российских немцев девяностых годов двадцатого столетия. Мгновения из прошлого. Прошлого, достойного восхищения и объединившего наши судьбы. Мгновения, запечатлевшие нашу историю.

В Экибастузе я встретила с Василием Шварцкопфом, деловым предпринимателем, который во время экономического кризиса в стране сумел сохранить свою компанию нетронутой, а из её доходов крепко поддерживал местное общество „Возрождение-Видергебурт“. Он помогал старым и бедным, заботился о больных и знал каждого прихожанина в молитвенный дом лично. Для всех и для всего находил он минутку. Когда перед камерой он рассказывал мне о своей жизни, оказалось, что мы оба родом из маленького местечка в Алтайском крае, крошечной немецкой деревушки с весёлым русским названием Камыши. Но мы никогда друг друга не видели и не знали. Это мгновение явилось для нас обоих полной неожиданностью. Может быть именно поэтому передача из Экибастуза покрыта лёгким дыханием романтичности о канувшей в Лету моей „la patria spirituelle“?

„La patria spirituelle“ – потерянная и осиротевшая родина, навсегда остающаяся в наших сердцах – позже стала лейтмотивом нашей передачи „Гутен Абенд!“. В Казахстане было много немецких деревень, очень красивых и богатых. В них трудились с утра и до ночи, в любое время года не было недостатка в работе: летом заботились о садах, зимой о крупном рогатом скоте, весной о посадке овощей и побелке домов, осенью о сборе урожая и заполнении хранилищ. И в колхозах также было полно работы. Ни для кого не секрет, что жители немецких деревень трудились добросовестно и деловито в полях, на фермах, на молокозаводах и сыроварнях. Слово „отпуск“ звучало для них как иностранное и им почти не пользовались. Поэтому и выглядели эти деревни так красиво, так чисто и так ухоженно.

Когда началось повальное стремление в Германию и путь на „историческую“ родину оказался наконец свободен, жители немецких деревень тоже начали собираться в путь-дорожку. Обдуманно, спокойно и деловито продавали и отдавали они своё нажитое добро, с горячими слезами прощались со своими соседями и садились в поезд. Последний взгляд, раздирающий сердце момент, и они исчезали вдали. Однако не всем посчастливилось продать свой дом. Внезапно оказалось так много опустевших домов и очень мало покупателей. Нет, заинтересованные в купле были, но не всегда хватало денег на такую покупку. Но ничто не могло изменить решения моих соотечественников: они забивали двери и запирали ставни – в надежде, что возможно позже удастся продать дом даже по дешёвой цене. В Покровке, вблизи Алматы, мы засняли один такой дом. Он стоял на краю деревни, элегантно, мечтательно и романтично гранича с берёзовой аллеей. Это был один из самых красивых домов в деревне. Двухэтажный, с мощёным двором, небольшим огородом и даже гаражом. Все окна были завешаны современными жалюзи от любопытных взглядов. Кроме одного. И это единственное до блеска вычищенное окно так удивлённо и грустно взирало на камеру, что я на монтаже едва не разрыдалась во весь голос – ну почему? Это было мгновение отчаяния и беспомощности...

Судьба немецких деревень очаровывала и приковывала мои мысли, они трепетали, как свежестыранное бельё на ветру и превращались в запоминающиеся незабываемые образы, для которых любые комментарии не имели смысла.

Мы разъезжали с нашей съёмочной командой по Казахстану и снимали деревни, одиноко и осиротело оплакивающие свою заброшенность и запустение. Бывали моменты, когда мы находились на краю наших душевных сил и не могли ни говорить, ни думать. Я вспоминаю Новодолинку – небольшой рай вблизи Астаны, прошитый красочными степными цветами, с прямыми асфальтированными улицами, очаровательными и хорошо ухоженными домами и пышной зеленью, больше напоминающий зону отдыха, чем колхоз. Когда наш мир был ещё в порядке, мы гастролировали здесь пару раз с Немецким драмтеатром, поскольку тогдашние актёры Андрей Кнауф, Вальдемар Гоог и Лидия Ребенсдорф родились в этой деревне. В то

время мы чувствовали себя здесь очень комфортно и нас тепло принимали. Теперь же мы бродили по деревне с камерой и не узнавали её. Не существовало даже улиц. Нет, они были, но на них не хватало домов, а на сохранившихся были нанесены „неправильные“ номера. Они не согласовывались между собой, ибо вопреки всем математическим правилам внезапно после цифры 12 появлялось 25.

Или всё-таки всё было верно? Да, действительно, это былой правдой: не было домов, и улицы перестали быть улицами, только несколько домов стояло по одиночке то там, то тут со своими старыми номерами. Между холмами щебня и земли. На одном из этих холмов лежала кукла с вытянутыми руками, с тревогой уставившись на мир своими широко раскрытыми глазами. Во всяком случае, я так это почувствовала. Так это выглядело и с экрана телевизора. Кукла в качестве памяти о „la patria“ с лицом ребёнка, родившегося здесь в Новодолинке, но так и не узнавшего свою „la patria“, ибо родители перед отъездом потушили свет в его доме бульдозером. В самом деле, „из праха ты взят, чтобы в прах вернуться“ – старые сентенции, по новому увиденные и прочувствованные... Мгновение страха перед бессмысленностью происходящего...

Похоже выглядели деревни и в других областях. Географически всё было в порядке, названия деревень Самарка, Ивановка, Воскресенка, Александровка были теми же самыми и фонетически звучали как и раньше, изменились лишь фамилии их жителей. Фамилии и имена родственников бывших старожилов существовали разве только на могильных камнях кладбищ. Как долго можно будет их прочесть, пока они станут нечитаемы – сотню лет, пару сотен лет?..

Но бессмысленно сожалеть о прошлом. Наряду с другими событиями мы рассказывали много нового и интересного о российско-немецкой молодёжи, ставшей между тем очень активной и привлекавшей к себе всё больше внимания благодаря организуемым ими различным мероприятиям. Они проводили много времени друг с другом, изучали немецкий язык и смотрели в будущее с большой надеждой. В каждой региональной организации „Возрождение-Видергебурт“ существовала молодёжная группа, провозглашавшая себя на правах последователей российских немцев беречь идентичность, язык, обычаи и традиции своего народа, искать и разрабатывать новые пути и с помощью предпринимательства снова поставить страну на ноги. Ольга Видикер и Наталья Шандра – эти две молодые женщины стали частыми гостями наших передач. Энергично, уверенно и с симпатией говорили они о своих планах, над которыми работали вместе с другими членами молодёжной организации и хотели их осуществить. Не их вина, что из этого ничего не вышло, что многие планы не удались и очень мало что сбылось – но эти девушки были в то время неутомимы, действовали с юношеским максимализмом и огромной верой в лучшие времена.

К нашему любимому ряду передач относились фильмы о жизни и творчестве Немецкого театра. Раз в квартал мы транслировали документальный материал под общим названием „Театр – место, где учатся умирать“. Мы показывали сцены из последней премьеры, интервью с актёрами, режиссёрами и представляли портреты молодых деятелей искусства. Эти программы всегда были очень интересными и успешными, и мы обдуманно и тщательно подготавливались к съёмкам. Я считаю, что отношения между программой „Гутен Абенд!“ и Немецким театром были особенно близкими и результативными. Мы часто работали вместе – многие передачи были модерированы актёрами театра и благодаря этому являлись особенно качественными, поскольку артисты не просто „проговаривали“ мои тексты, как я, а „проигрывали“ – эффективно и мастерски. Я думаю, что это были лучшие и самые красивые документальные фильмы в нашей студии. Если я теперь просматриваю эти фильмы, то всегда радуюсь той совместной работе и дружбе, так хорошо влиявших на обе наши стороны. Из этой дружбы возникли незабываемые кадры о работе российско-немецкого

театра, сцены из спектаклей и даже полностью отснятые многие постановки. Бывший Немецкий театр в городе Энгельс не имел такой возможности. Нет ни одного фильма о его спектаклях, а всё, что сохранилось, это лишь краткие пожелтевшие газетные сообщения, тонущие в вечности на пыльных полках архива в Энгельсе. Конечно, тогда же ещё не было телевидения ... Погребённые в вечности мгновения ...

Эпилог

Десять лет я прожила с немецкой редакцией телевидения Казахстана. Десять лет с микрофоном и блокнотом в руках. Тысячи метров отснятого материала. Ситуации, имена и голоса. Незабываемые пассажи и встречи со своими соотечественниками в Казахстане, России, Кыргызстане и Германии. Жизнь, полная удивления, радости, воодушевления и драматизма. Мгновения судьбы. Судьбы народа, которого всегда, во все для него хорошие или плохие времена клеймили „российскими немцами“.

Около десяти лет я живу в Германии. Я веду очень скромный образ жизни, и счастлива тому, что я смогла сделать то, что мне доверила судьба. Может быть, не так совершенно, как ожидалось, но с преданностью и полной самоотдачей. На моей стороне всегда были люди, помогавшие мне в этой трудной работе, и я им всем благодарна: Елене Поповой, Наталье Безгиной, Татьяне Твердышевой, Елене Гусак, Анне Фаст, Вальдемару Фаст, Георгию Ноннемахеру, Александру Родину, Альби Махатову – людям, которые очень многое сделали для того, чтобы немецкая телепрограмма существовала, чтобы российские немцы в Казахстане имели возможность один раз в неделю встретиться со своими соотечественниками благодаря экрану телевизора.

Я благодарна госпоже Мартенс за предложение написать статью о немецком телевидении для „Московской Немецкой Газеты“. До сих пор не нашлось ни одного заинтересованного в этом телевидении и его программе. Иногда я спрашиваю себя: а существовала ли вообще передача „Гутен Абенд!“? Но когда я вижу коробки с кассетами, то знаю: это были хорошие вечера, которыми мы наслаждались долгие годы. Истинными свидетелями тому служат картонные коробки, полные видеокассетами по теме „История российских немцев“. Забытые мгновения из недавних времён. Что произойдёт с ними, когда меня не станет на этой земле?

Роза Штейнмарк,
июнь 2008 г.

P.S.

Перевод с немецкого языка сделан Ириной Лейнонен, которой я безгранично благодарна за то понимание и огромный труд, который она вложила в эту работу.